

Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 91–103.
Humanitarian Researches. 2024;1(89):91–103.

Научная статья
УДК 331(075.4)

**ДЕТИ И ДЕТСТВО В ОЦЕНКЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ
И В СЕМЕЙНОМ РОДОСЛОВИИ**

Вера Константиновна Харченко[©]

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия, wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу «уроков», которые были получены путём анализа концептов «дети» и «детство» в семейных родословных и в текстах современной литературы. Поскольку наработки семейных родословных могут находить соответствия в литературе, относящейся к категории нон-фикшен, то для детального разбора было взято произведение «Современный мусор» Людмилы Улицкой, представляющее собой совокупный сборник мемуарных, публицистических и дневниковых произведений. Поставлена проблема взаимосвязи семейного родословия и мемуарной, а также публицистической и дневниковой литературы. В ходе анализа сначала были выявлены общие черты освещения темы детства: принятие жизни, умение радоваться близким людям, многочисленность родни, обеспечивающая множественность естественного влияния, интерес к «незаметному» предметному миру, смысловое творчество. Далее в статье раскрываются отличия писательских заметок от семейных родословных: необходимость вести отчёт по материнской линии, ежедневный труд по сбережению семьи, необходимость особого языка для выражения чувств. Показаны также слабо выявленные моменты освещения детства, а именно: необходимость постоянного говорения с ребёнком, приводящая к расширенному знанию детьми родного языка; мысль о связи знания о смерти и о счастье, мысль о важности реальных примеров, действующих на душу ребёнка. Назревшая необходимость полидискурсивного, многонаправленного чтения различных текстов на современном этапе – таков общий вывод, полученный в ходе совокупного анализа текстов родословия и текста «Священный мусор» Л. Улицкой.

Ключевые слова: «Священный мусор» Л. Улицкой, родословные, семья как благо, принятие жизни, ранний труд, говорение с ребёнком, многочисленная семья, пример для подражания

Для цитирования: Харченко В. К. Дети и детство в оценке Людмилы Улицкой и в семейном родословии // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 91–103.

Original article

**CHILDREN AND CHILDHOOD IN THE ASSESSMENT OF LYUDMILA ULITSKAYA
AND IN THE FAMILY GENEALOGIES**

Vera K. Kharchenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the “lessons” that were obtained by analyzing the concepts of “children” and “childhood” in family genealogies and in the texts of modern literature. Since the developments of family genealogies can find correspondence in literature classified as non-fiction, the work “Modern Garbage” by

Lyudmila Ulitskaya was taken for a detailed analysis, which is a cumulative collection of memoirs, journalistic and diary works. The problem of the relationship between family genealogy and memoirs, as well as journalistic and diary literature is posed. During the analysis, the general features of covering the topic of childhood were first identified: acceptance of life, the ability to enjoy loved ones, a large number of relatives, providing a plurality of natural influence, interest in the "inconspicuous" objective world, and meaning-making. Further, the article reveals the differences between writers' notes and family genealogies: the need to keep records on the maternal side, the daily work of saving the family, the need for a special language to express feelings. Poorly identified aspects of childhood coverage are also shown, namely: the need for constant speaking with the child, leading to children's expanded knowledge of their native language; the thought about the connection between knowledge about death and happiness, the thought about the importance of real examples affecting the soul of a child. The urgent need for a polydiscursive, multi-directional reading of various texts at the present stage – this is the general conclusion obtained during the combined analysis of the genealogy texts and the text "Sacred Garbage" by L. Ulitskaya.

Keywords: "Sacred Garbage" by L. Ulitskaya, genealogies, family as a blessing, acceptance of life, early work, talking to a child, multi-member family, role model

For citation: Kharchenko V. K. Children and childhood in the assessment of Lyudmila Ulitskaya and in the family genealogies. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;1(89):91–103 (In Russ.).

Уважать предков, знать о судьбе своих прадедов и прапрадедов – в этом заключено главное требование к написанию и сбережению семейного родословия. Но у этого жанра есть и менее востребованное свойство – учиться у прошлого, перенимать опыт давно прошедших лет. Где-то на горизонте прочитанного выступает и требование жить одновременно в прошлом, настоящем и будущем, и пластика учёбы, и внимание к родовым формам, и внимание к Родине, отражающейся в семейном родословии. Для настоящего обзора попробуем определить более частный вопрос: какие уроки открывают нам в семейных родословных дети и детство? Такое отношение к родословию для настоящего времени не характерно, что называется, прошлое прошло, прошлое кануло в Лету, концерт окончен.

Между тем наработки семейных родословных могут находить соответствия в современной литературе, относящейся к категории нон-фикшен, и мы поставили целью рассмотреть эти соответствия. Для своего анализа мы взяли произведение «Современный мусор» Людмилы Улицкой как совокупный сборник мемуарных, публицистических и дневниковых произведений [7] и наложили его на многочисленные собранные нами тексты семейного родословия [8]. По родословию привлекался и более свежий материал. Итак, повторим: тема была конкретизирована – это тема детства, детей.

При первом приближении оказалось много общего в освещении детства и, прежде всего, эта самая общая оценка текста. Вот как подаётся это писательницей:

Устройство этого многоцветного ковра таково, что каждую его точку можно рассматривать отдельно, и движение её определяется всеми прочими, и каждая точка обладает полнотой собственного бытия – или, по крайней мере, даёт такую иллюзию внимательному наблюдателю, который, временно отрываясь от себя самого, пытается разглядеть картину с высоты птичьего, скажем, полёта (Л. Улицкая).

«Священный мусор» – это особое произведение Людмилы Улицкой, в котором что-то из публицистики, что-то из воспоминаний, что-то из размышлений. И действительно, оно напоминает ковёр, который можно рассматривать и в целом, и в таких частностях, как «Но мы любим ещё, когда кошка мурлычет и трётся о колено, а собака кладёт голову на другое колено и преданно смотрит в глаза...» (Л. Улицкая).

Несмотря на тяжёлые годы, на потерю близких людей и на обстоятельства, выпавшие на долю автора, в «Священном мусоре» парадоксально

подчёркивается жизнерадостность, приятие жизни, причём это касается многих знакомых людей:

И всё-таки праздником была её жизнь [о Нине Константиновне Бруни]. Праздником было её раннее утро, когда вставала она раньше всего дома и, прочитав молитвенное правило, в драгоценной тишине пила свою чашку кофе... Праздничным был день работы – а работа была большая и разная: то переводы, то стирка, то стряпня... И вечер, когда за столом собирались дети, и друзья, и друзья детей, счастливые люди, кому жизнь подарила честь быть гостями на её празднике (Л. Улицкая).

Даже трагические события оборачиваются своей великой оптимистической силой, и люди, о которых говорится в «Священном мусоре», могут быть примером для окружающих:

Ещё одна красивая смерть в нашей семье случилась тридцать лет спустя. Моя бабушка жила долго и умерла от быстрого рака, за полтора месяца. Мой дядя и я ухаживали за ней посменно: я приезжала рано утром, он уходил на работу. Он приходил, я уезжала домой, к детям. Бабушка с великой кротостью и терпением переносила боли и говорила только одно: «Какая же я счастливая, какие у меня прекрасные дети! Как я вам благодарна, деточки!» (Л. Улицкая).

Общая положительная оценка темы весьма и весьма характерна для родословных. Приведём всего один фрагмент, в котором повествование подается от лица ребенка, детей:

Имя у бабушки было редкое Хрестинья Илларионовна, а домашние звали её просто бабушка Хрестя. Она была верующая, но малограмотная, по слогам читала только Библию и молитвенник, которые были написаны старым алфавитом, писать она не умела. Однако память у неё была настолько хороша, а рассказывать она умела так интересно и захватывающе, что, слушая её рассказы, всё происходящее представлялось так, будто мы смотрели кино, и даже рассказывая о горестных событиях своей жизни, она могла вплетать иронические нотки в свой рассказ, что делало его особенно запоминающимся (А. Г.).

Это очень важный и современный момент – приятие жизни, и в этом плане тема детства работает как нельзя лучше. Младенчество, детство, ребёнок, дети – всё это необыкновенно привлекательные моменты повествования. Людмила Улицкая пишет: «“Невылупившиеся” бывают необыкновенно привлекательны. Помните Петю Ростова накануне его смерти? Ешьте, ешьте изюм, у меня ещё восемь фунтов... Простите за неточность цитаты. Петя взрослым стать не успел».

Дети и детство в родословных, конечно же, присутствуют прежде всего как дети, и присутствует привлекательность общения с ними:

...Вкусные воздушные пирожки, как большая булка с начинкой, забыть сложно, густой фасолевый борщ, приготовленный на русской печи, протопленной дровами и углём. Как можно забыть всё это! (Т. Л.).

Ещё бабушка умела хорошо печь блины, чему научила и меня. Бабушка говорила мне: «Вера, блины должны быть тоненькими, как папирус». И, как мне кажется, я достигла в этом совершенства (В. К.).

Вышла замуж Надежда за фронтовика, героя войны. Николай уехал в Луганск, учиться в ФЗУ, да так там и остался, обзавёлся семьёй. Подрастали Дмитрий, Раиса и младшенький Толик, бабушкина радость. «Радость» об особом отношении к нему догадывался и часто таскал из-под носа у бабушки то варенье, которое было большой редкостью и настоящим лакомством, то вместо родниковой воды приносил бабушке Кузьминичне воду из ближайшего колодца (М. К.).

Когда мы с ней выходили на огород, то она всегда брала с собой что-нибудь вкусненькое. Вскоре я начинал хотеть есть и она доставала

из кармана конфету или что-нибудь еще, говоря: «Я вот встретила зайчика, он просил, чтобы я передала это тебе». Хотя я понимал, что никакого зайчика она не встречала, я верил ей. Мне хотелось верить в эту сказку. Теперь я приношу подарки от зайчика своему маленькому сынишке (С. Б.).

В выходные дни, когда все дети выходили гулять, я любила в своей комнате, которая была наполнена солнечными лучами, читать рассказы Носова или, выйдя летом на балкон, срисовывать наш двор или стоящую напротив церковь (Н. Л.).

После каждого летнего дождя этот ручеек становился глубже и теплее, а наши босые ноги так сроднились с ним, что до сих пор при тёплых воспоминаниях о детстве в ногах ощущается сила и бодрость, данная ещё тогда чудесной чистой водой (С. Ф.).

Когда я уже со своей семьей бываю в деревне, кажется, время остановилось. Как и в детстве, просыпаясь, видишь: на потолке танцуют замысловатые узоры от тени листьев, где-то важно кудахчут куры. Запах оладий из печи окутывает и не дает спать (Е. В.).

Безусловное ПРИЯТИЕ ЖИЗНИ сквозит в семейных родословных. Что общего в воспоминаниях Людмилы Улицкой и в приведённых фрагментах из семейного родословия? Ответим: это, конечно же, благодарность жизни за жизнь. Однако сейчас, во втором и третьем десятилетиях XXI в., стало немодно выражать эмоции, радоваться жизни. Эмоции уходят из жизни, об этом читаем в статье Н. Ивановой «Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности»: «Психологи встревожены возрастанием частоты и интенсивности эмоциональных нагрузок – и негативным отношением к эмоциям: от установки в обычной жизни (*«Давайте обойдемся без эмоций»*, *«Оставим эмоции в стороне!»*) до литературной моды на полную бесстрастность, отчуждённость от чувства, отказ от его изображения, нежелание иметь дело со страданием и состраданием, а также гневом, радостью, страхом и печалью» [4, с. 4]. И даже в наиболее приоритетных работах отечественных писателей: Е. Водолазкина, Д. Рубиной, Е. Яхиной – мы не встречаем столь открытого выражения эмоций, как в семейных родословных, даже когда речь заходит о детстве. Такое нежелание погружаться в эмоции чревато последствиями. В последние годы всё чаще стали говорить о необходимости формирования эмоционального интеллекта. Вот что написано в учебнике «Цифровое государство и экономика» [9]: «Особый интерес представляют требования к компетенциям будущего и приоритизация soft skills (эмоциональный интеллект, критическое мышление, нетворкинг, гибкость, креативность). По данным учёных из Гарварда, Стэнфорда и Фонда Карнеги, «гибкие навыки» определяют 85 % успешной реализации траектории профессионального развития» [11]. Такое явление – одна из причин, почему нам дороги страницы семейного родословия, подкреплённые «Священным мусором» Л. Улицкой.

Обратим внимание, что приятие жизни в текстах родословных часто соотносилось СО ВКУСОМ любимых блюд. Из семи вышеприведённых отрывков пять посвящены вкусу – незабываемому вкусу блюд. Приведём ещё один характерный отрывок:

Бабушку Матрёну Ивановну я помню с детства, худенькая, она всегда ждала гостей и стол на кухне всегда был полон простой деревенской едой: картошка жареная и варёная, обязательно вареники с картошкой, сало с чесноком, молоко с домашним хлебом и особенно мне запомнился её борщ. Этот был борщ необыкновенного вкуса, я не могла никак наесться его. Мне казалось, что нет ничего вкуснее бабушкиного борща. Чуть постарше я спрашивала бабушку: как Вы готовите, и она всегда отвечала: «А я варю и думаю: поешь моего борща, понравится, а уедешь, попросишь маму сварить борща, а он не такой и опять ко мне приедешь борща покушать»

и при этом тихонько смеялась. А так и получалось, когда мама сварит, всё сделает, как бабушка, а всё равно не такой и мы опять к бабушке (Н. П.).

Детство и память касается и ПРЕДМЕТОВ ПАМЯТИ. Дом, домашнее тепло распространялось на всех членов семьи, а олицетворялось это тепло памятными предметами:

Её деревенский дом всегда украшали разные виды цветов. В доме и зимой и летом цвели красивые цветочки. А в саду были целые грядки роз и гладиолусов, а также огромные белые ромашки, которые она больше всего любила. У моей бабушки было восемь детей, и она большую часть времени проводила с ними (М. Б.).

Однако эта привлекательность не может закрывать от нас уроки детства, а этих уроков немало. Первый урок, как было показано, – это приятие жизни. Второй урок проблемы детства в семейных родословных – это снятие вопроса поиска смысла жизни, СМЫСЛОТВОРЧЕСТВО. Родился ребёнок – его надо вынуждать, вырастить, воспитать, и жизнь взрослого наполняется смыслом, да так, что и задуматься, бывает, некогда. Ребёнок забирает всё время, но ведь и даёт, даёт стойкое ощущение реальной, полноценной жизни. Два года назад одинокая интеллигентная женщина, доктор наук, умирающая от рака поджелудочной железы, говорила мне с горькой улыбкой: «Я не могу понять, зачем это всё?» Если бы речь шла об опустившихся людях, но здесь – здесь была явно другая ситуация. Ценность большой семьи как на будущее – это защита от одиночества, хотя были и войны, и раскулачивание, и трагические случаи, но были и семейные связи, общение в семье. Людмила Улицкая пишет об этом:

«Достойное поведение – лучшее украшение женщины»; «С другой стороны, именно женщина в силу разных причин к старости чаще остаётся одиночкой. Изменения структуры семьи таковы, что всё реже семьи существуют в расширенном виде – с бабушками и дедушками, то есть в том почти архаическом виде, который был вполне обычным ещё пятьдесят лет тому назад.

Там, в романе, есть метафора или, если хотите, биологическая параллель: в зоологии известно явление неотении, смысл которого в том, что существо, не достигшее стадии взрослой особи (имаго), начинает размножаться уже на стадии личинки. Происходит это по той причине, что в окружающем мире не хватает какого-то фактора, чтобы личинка завершила свой цикл и превратилась во взрослое существо. Так и возникают популяции «личинки – детей личинки». Это в некотором роде сравнимо с тем процессом, который происходит в сегодняшнем мире, – инфантилизацией общества. Не именно нашего – всякого. Взрослость трудно определить, потому что человек, совершенно незрелый в одной сфере жизни, может быть вполне состоятельным в другой (Л. Улицкая).

Вчитаемся в семейные родословные:

Когда у меня не было детей, я не знала ответа на вопрос, в чём смысл жизни? Как-то мы сидели и спорили об этом в компании. Один человек сказал: «Смысл нашей жизни – в наших детях. Мы живём ради них. А они будут жить для своих детей. Именно так движется история». Честно говоря, я тогда не поняла его. Я поняла его потом, когда у меня появился собственный ребёнок (Е. К.).

Только после рождения дочери я стала понимать, в чём смысл жизни – в ненаглядном любимом создании, что появилось у нас! С моей точки зрения, семья создаётся не только ради счастья двоих, но и для счастья их детей. Дети – реальное, осязаемое воплощение любви супругов. Любовь – это тепло, нежность, радость (Ю. О.).

Богатством в доме были дети, а других материальных ценностей не было. Всё было просто: дом и маленькое хозяйство, чтобы прокормить всех домочадцев (Е. Г.).

Двадцатого ноября 2004 года наша большая семья из 58 человек праздновала золотой юбилей – пятидесятилетие совместной жизни отца и матери. Когда папа с мамой поженились, отец сказал: «Сколько Бог даст детей, столько и будет». Папа с мамой очень любят детей и внуков и переживают за каждого из них (В. Х.).

Третий урок (а нумерация наша условна!) скрывается в многодетности, МНОГОДЕТНОСТЬ КАК ОСНОВА СЕМЬИ. Ребёнок был не единственным чадом в семье. На перспективу есть поучительное наблюдение: сейчас стали писать о том, что дети, выросшие без братьев и сестёр, разводятся чаще, чем те, кого окружали сиблинги. Вот характерная цитата. По американской статистике, супруги, выросшие в семье с несколькими братьями и сёстрами, разводятся реже, чем единственные дети в семье. Член большой семьи лучше умеет общаться и находить компромиссы (Наука и жизнь. 2014. № 1. С. 106). Поражает существовавшее количество детей в семье, кратно превышающее современные показатели. «Сталин принял страну с 6,7 ребёнка на женщину детородного возраста, а сдал с показателем 2,7 ребёнка, уронив демографическую эффективность русской семьи в 2,5 раза за одно поколение» [6, с. 108]. Число рождений на одну женщину с 1927 по 1991 г. сократилось с 6,73 до 1,73, или на пять детей (Знание – сила. 2008. № 4). Сейчас и эти показатели кажутся завышенными, а раньше? Сталин принял страну с 7 детьми, а за неполные тридцать лет (тут и война сыграла свою страшную роль!) сдал страну с 2,7 детьми. «В 1985 году рождаемость в СССР составляла 2,2 ребёнка на женщину, в 1995 году мы имели 1,4 ребёнка на женщину, а в 2003 году этот показатель составил 1,3 – и стал одним из самых низких в мире. ... К тому же Сталин тут вовсе не обязателен. В таких странах, как Мальта и Ватикан, не разрешают прерывать беременность ни при каких обстоятельствах. Ирландия, Андорра, Сан-Марино и Монако допускают аборт только в случае угрозы жизни беременной женщины, в остальных случаях аборт запрещён. В Польше, Испании, Лихтенштейне производство аборта разрешено с целью защиты не только жизни, но и физического, и психического здоровья беременной женщины, а также в случае изнасилования, инцеста, или аномального развития плода – но в остальных случаях делать эту операцию не рекомендуется» [6, с. 144–145]. Ситуация первой трети XXI в. ещё более трагична: население страны убывает, и материнский капитал не в силах выправить ситуацию. «Управлять – значит населять» – замечательный лозунг, только не самый известный.

Людмила Улицкая пишет на эту тему:

Одно только перечисление разнообразнейших связей, которыми связано всё живущее, набрасывает эскиз картины огромной сложности и разнообразия. Но есть и специальные, исключительно межчеловеческие отношения, и первая важная группа – вертикальное родство: у каждого есть родители и дети. Во всяком случае, отсутствие таковых является скорее исключением. Имеется также значительное количество кровных родственников с убывающей степенью родства. У каждого человека, кроме родственников кровных, есть ещё большое количество свойственников. Свойство тоже в некотором отношении приравнивается к родству.

В родословных читаем:

Она была самой маленькой в своей семье, в которой было не много не мало 12 детей. Младшая сестричка сразу всем полюбилась. Начался спор: какое же выбрать имя любимице (Е. Л.). У прадеда с прабабкой было одиннадцать детей: семеро сыновей и четыре дочери (В. Н.). Первая жена прадеда умерла, и он остался с двумя дочками. Во втором браке у него

было восемнадцать детей, правда, выжило только восемь детей: Агриппина, Митрофан, Ефросинья, Ксения, Матрена, Евдокия, Прасковья и Вера (Т. И.).

Новая семья была тоже большая, но очень дружная. Четыре брата со своими семьями жили вместе. Все обязанности по дому строго распределялись между взрослыми и детьми. Бабушка Вера хозяйничала у печки, она была искусной поварихой. Удивительными были отношения между членами семьи. Взрослые называли друг друга только по имени и отчеству. Никогда в доме не было ссор. Все беспрекословно подчинялись свёкру и свекрови. Детей не делили на своих и чужих (Р. З.).

Отец прадеда, Пашков Алексей Иванович, родился в 1860 году; мать – в 1863 году. Она глубоко верила в Бога, регулярно ходила в церковь, занималась воспитанием детей, а их было одиннадцать: шесть дочерей и пять сыновей, один из которых мой прадед Иван Алексеевич (В. Н.).

Интересно (и поучительно!), что на многодетность не влияло рождение однополых детей:

В Грайворонском районе служил отец Николай Романов, поместье имел, в местной церкви был попом и большую семью содержал. По воле Бога, было у него 11 детей, и все девочки (К.). Мой прапрадед в веке XIX водил паровозы из Москвы в Тверь. У него было одиннадцать дочерей, и все с приданным (А. М.). Кроме него в семье было ещё тринадцать детей, в основном сыновья (Е. В.).

Однажды, когда был жив ещё прабабушкин дедушка, солдаты везли на телегах мешки с деньгами – собранные с населения подати. Один из мешков случайно был утерян. Его нашёл мой прапрапрадед, у которого было 12 сыновей. На найденные деньги он построил каждому сыну по дому. Но строил он эти дома не сразу все, а постепенно и в разных сёлах, чтобы не вызвать подозрений. Один из таких домов мы видели в Большой Халани, когда возили бабушку в гости к её знакомым. Дом был действительно большой – пять окон на улицу. На тот момент, когда мы приехали в Большую Халань, этот дом отделявали под детский сад (М. Б.).

Далее, тема детей, детства открывает и такой аспект, как влияние родственников, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ. Многодетность означала, с одной стороны, меньшее внимание матери и отца на ребёнка, становящегося в ряд с другими детьми, с другой стороны, означала она и множественность других внутрисемейных влияний. Братья, сёстры, бабушки, дедушки – от каждого получал ребёнок понемногу воздействия, но это воздействие было весьма своеобразным. Таким образом, третий урок заключается в множественности выбора естественного влияния. Человек был способен выбирать, что ему ближе у брата, сестры, отца, матери, бабушки, дедушки. Людмила Улицкая вспоминает:

Мой покойный прадед, кой-какой часовщик и пожизненный читатель единственной книги, уважал материальный мир не менее духовного: никогда не выбрасывал ни картонки, ни железки, с улицы приносил то кривой гвоздь, то ржавую петлю. Всё раскладывал по коробочкам, подписывал: гвозди дюймовые, петля дверная, шпулька для ниток. А на одной коробочке уже после его смерти разобрали надпись: «Верёвочка, которая уже ни на что не годится»... Но почему хранил? Ведь так хочется освободиться от всего лишнего, необязательного...

Вот ещё две характерные записи:

Сильнейшая привязанность к вещам – к их биографии, географии, рождению и смерти – привела к тому, что в скороходовскую коробку из-под ботинок я складывала то, с чем трудно было расстаться: треснувшую фарфоровую пиалу моего прадеда, в которой он хранил какие-то колёсики и пружинки от часов, разбитый китайский набор для чаепития, который мой первый муж случайно смахнул плечом вместе с полкой, бабушкины

лайковые перчатки (бальные!) такого размера, что они порвались, когда их хотела примерить одна толстенькая двенадцатилетняя девочка, расплётшаяся наполовину прабабушкина корзиночка неизвестно для чего, горделивый значок Калужской гимназии госпожи Саговой и кусок клеёнки из роддома, на котором написано имя моего двоюродного брата, родившегося через десять лет после меня. Всё это я собиралась когда-нибудь починить, реставрировать, склеить, залатать или просто определить на место (Л. Улицкая).

...Однако эти черепки и остатки прошлого каким-то образом связаны с вещами нематериальными. Они символизировали прекрасные принципы и положительные установки, заимствованные идеи и остроумные концепции, которые я всю жизнь собирала в стройное здание, и иногда даже казалось, что оно уже прочно стоит на надёжном основании и что многолетними усилиями выстроено цельное мировоззрение (Л. Улицкая).

Приведём аналогичное свидетельство из родословных:

Прабабушка Катя была своего рода Плюшкиным. Она не проходила мимо любой нужной и ненужной вещицы, которая лежала без присмотра. А после смерти в её сундуке, который она охраняла как зеницу ока, оказалось такое количество денег, что некоторые из них за давностью лет даже истлели, а наследство хватило на покупку четырёх домов (О. О.).

Следующий урок – нити, связывающие ДЕДОВ И ВНУКОВ:

Его детям всегда было интересно узнать, как он воевал, где воевал. Но дедушка, да и они сами, всегда был занят. То на работе, а дома он не сидел без дела. А когда дедушка вышел на пенсию, дети были заняты. Дедушка не рассказывал своим детям военные истории, по большей части он рассказывал эти истории внукам и племянникам. У дедушки осталось шесть детей, девять внуков и десять правнуков (М. С.).

Ещё один весьма выразительный урок – РАННЕЕ ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ. Естественность «трудового воспитания», когда ребёнок ещё был ребёнком, но в то же время становился старшим братом или сестрой по отношению к следующим детям. Это весьма важный момент – совмещение функций воспитуемого и воспитателя.

Постулирование заботы распространялось на долгие годы:

...Когда старший сидел, младший помогал его семье, когда младший ушёл на фронт, старший взял на себя заботу о его жене... (Л. Улицкая).

В родословных эта тема звучит особенно ярко:

В числе этих семерых детей старшей была Федора. Ей приходилось с отцом выполнять все работы с девяти лет, потому что те были ещё маленькие. А это значит помогать пахать, сеять, косить, убирать, возить, молотить дома. Это летом. А зимой с матерью прясть нитки, чтобы ткать холсты для шитья одежды (Ж. У.).

Как старшая дочь, она помогала родителям, нянчилась с младшими сестрами. Словом, с детства осваивала родительские уроки трудолюбия, скромности, доброты и порядочности (Е. Н.).

Следующий урок – ДИНАСТИЧНОСТЬ профессий:

Не говоря уж о том, что иногда приходят за интервью журналисты, которые и диктофон дома забыли, и прочитать книги, о которых собираются разговаривать, не успели. Это полное падение профессии журналиста. К сожалению, утрата профессионализма сегодня стала общей болезнью, и касается это не только журналистов, но и врачей, учителей, сантехников. Тем приятнее бывает беседа с журналистами талантливыми и профессиональными. Они, конечно, в меньшинстве (Л. Улицкая).

Освещение некоторых МЕЛОЧЕЙ, оставшихся в памяти с детских лет, тоже характерная черта записок Л. Улицкой:

Я всегда знала границу своих возможностей: заброшенная лет в десять музыкальная школа и радость освобождения от нотного насилия на много лет определили мои взаимоотношения с инструментом: пианино обходила стороной – как орудие детской пытки. Лучшее, что осталось от тех лет, – чудесная музыкальная разноголосица, когда идёшь по коридору школы, и из каждой двери своя музыкальная фраза, и вместе они сливаются в дивный шум, в котором всё сразу, и каждый раз новое (Л. Улицкая).

В родословных эти «мелочи» касаются и общесемейных «бед», и детских шалостей:

Как-то вечером в темноте дед не заметил открытого люка и шагнул прямо в яму, опрокинул ведро с керосином, которое стояло рядом. Всё содержимое ведра вылилось ему на голову. В последующие дни он заметил, что стал прекрасно видеть, и до конца жизни не пользовался увеличительными свёклами. Узнав о таком исцелении деда, старики в селе стали мазать глаза керосином, поверив в чудодейственную силу этой жидкости. Прабабка Вера тоже испытывала на себе этот метод, но, к сожалению, он ей не помог (Р. З.).

Помню яркое событие моего хулиганства. Я покрасила масляными разноцветными красками забор. Мне показался однотонный цвет забора совсем унылым. Вот мне тогда влетело, но я не обиделась нисколько. Больше всего я боялась, что меня отправят в город, это было бы самым большим наказанием, в городе летом скучно. Всё обошлось, меня простили, забору вернули прежний цвет (Т. Л.).

Наконец, ещё один урок – БЕССМЕРТИЕ.

Есть одно качество у времени: оно ускоряется с годами. В детстве каждый год тянется бесконечно, тебе бесконечно долго шесть лет и никак не исполняется семи, когда будет другая жизнь, школа... А чем ближе к старости, тем быстрее осыпаются листочки календаря. Моргнул – понедельник, ещё моргнул – опять декабрь...

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать... (В. Набоков)

Всё, что презирал один – патриотизм, православие и народность в их несложном виде, – аккумулировал второй. Нобелевский лауреат даже написал Набокову покровительственно-укоризненное письмо, в котором, отдавая должное автору, слегка отчитывал его, что «великий талант Вы не поставили на служение нашей горькой несчастной судьбе, нашей затемненной и искверканной истории» (Л. Улицкая).

Когда речь заходит о бессмертии, в семейных родословных отмечается это весьма подробно и специфично:

Но особо горжусь я своим отцом. Мой отец за очень короткий отрезок времени прошёл нелёгкий путь за время службы в Афганистане. Само это слово без тревоги невозможно произносить, особенно для участников афганских событий <...> После окончания учебного заведения папа был направлен в отдельный разведывательный батальон армейского подчинения в город Кундуз. Сразу же был назначен старшиной разведывательной роты. Десантировали с вертолётов, потом сразу же участвовали в боевых действиях: засадах, блокировках. Но не все бойцы выдерживали тяжесть боевых и особенно климатических условий. Опыт, полученный в учебном подразделении в течение 4,5 месяцев, очень помог в боевых условиях. Выросшему в горах, закалённому южным ветром, ему нетрудно было учить других ребят способам выживания в горной местности. <...> Он всегда был на передовых позициях. Во время одной из засад, до подхода основной группы под руководством Али Зубаилова (с участием двоих

сержантов) был захвачен в плен караван с оружием численностью 12 душманов. За мужество, проявленное в этой схватке, он был награждён орденом Красной Звезды. Ребята, которые были с ним, были награждены медалями: один «За боевые заслуги», и другой «За отвагу». За время службы папа прошёл весь Северный Афганистан, начиная с Чирикарской долины, Паншерского ущелья до Мазари-Шариф (А. З.).

Согласимся, что жизнь посвящает очень немногих в то, что она делает с ними (Б. Пастернак). О да, повествование Людмила Улицкой отличается от привычных для нас текстов семейных родословных, что отчасти продиктовано самим жанром изложения.

Конечно, есть отличие – в развернутом АНАЛИЗЕ ЧТЕНИЯ:

Чтение – взрыв. Мир расширяется, распирается новым знанием. Оно в книжном шкафу в коридоре, в квартире моих предков по материнской линии, Гинзбургов. «Я» – отчасти – складывается из суммы прочитанных книг. ...Именно Пастернак снял с моих глаз плёнку, и я стала видеть благодаря ему то, о чём прежде и не догадывалась: о связи всего со всем, о невысказуемой красоте этой связи. Я увидела, что мир наполнен сюжетами, как хороший гранат зёрнышками. И каждое зерно связано с соседним (Л. Улицкая).

Далее, отличие находим и в том, что ЛИТЕРАТУРА НАША МАЛЬЧИКОВАЯ. Приведём интересное наблюдение, почерпнутое из обычного разговора:

Друг мой, давно ушедший, мужественный и легкомысленный солдат последней большой войны, знаток поэзии и поэт, школьный учитель, для всех старший и каждому равный, лагерник, любимец женщин и собак, обнаружил, кажется, первым, что в классической русской литературе все книги о детстве – мальчишеские. О детстве девичьем – почти ничего нет: девочки в локонах и в панталонах играют на клавирах весь XIX век. А Наташа Ростова ещё и пляшет (Л. Улицкая).

И дальше писательница рассуждает об этом провале литературы, пишет о «Детстве Люверс» Бориса Пастернака, говорит о не выраженности девичьих переживаний, о проблеме пола, которой не было в раннем детстве. Однако нам сейчас важны другие отличия, те, что касаются самих родословных и детей в них.

Первое отличие произведения Людмилы Улицкой – это мысль о том, что РОДОСЛОВНЫЕ НАДО ВЕСТИ ОТ МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ, а не от отцовской, поскольку это идёт за счёт тех генов, которые располагаются в митохондриях, органеллах, в цитоплазме яйцеклетки. Людмила Улицкая как профессиональный биолог (генетик) объясняет это. Кстати, в семейных родословных высказываний о матерях на порядок больше, чем высказываний об отцах, хотя повествование идёт от отцовской линии. Но и родословные тоже характеризуются своим пониманием ряда вещей. В родословных часто повествуется О РОЛИ ОТЦА В СЕМЬЕ, чего мало представлено у Людмилы Улицкой. Патриархальная цивилизация требовала большого ежедневного мужского труда, и это влияние мужчин распространялось на всю структуру семейных отношений:

Бабушка была матерью-героиней, в семье было 12 детей, жизнь была сложной. Но они старались дать своим детям всё. Вот так они и воспитывали Петра, Валентину, Ольгу, Николая, Сергея, Алексея, Анатолия, Василия, Юрия, Александра, Владимира, Татьяну – мою маму (И. К.).

Второе отличие – это то, что брак – это ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОТА по сохранению семьи:

Но с третьим мужем мы общаемся больше тридцати лет и за эти годы многому научились – я от него, он от меня. Оба знаем, что для сохранения брака нужно совершать ежедневные усилия, без которых брак легко умирает. Мы оба люди независимые и свободолюбивые, умеем и любим

жить одинокой жизнью, но именно удовольствие взаимного общения удер­живает нас вместе. Около двадцати лет тому назад наш брак был оформ­лен, возникли какие-то бытовые обстоятельства, к этому побудившие. Оба мы скорее придерживаемся той точки зрения, что хороший брак – это хорошо, а плохой – это то, чего быть не должно (Л. Улицкая).

Третье отличие касается чувства любви и необходимости ОСОБОГО ЯЗЫКА для выражения чувства любви в семье:

Первая позиция такая: молодое поколение представляется мне в це­лом более счастливым, чем мы и наши мамы. Это поколение – и мужчины, и женщины – желают получать от любви удовольствие и не хотят стра­дать. То, что в России составляло особый аромат бытия – интерес и лю­бовь к страданию, – совершенно ими отвергнуто. Однако счастливых се­мейных пар, как и во времена наших бабушек-дедушек, не так уж много. Люди, став свободнее, не стали много счастливее. Поздние браки, поздние дети. Так в чём же проблема? В большой степени – в экономике. Но отча­сти, мне кажется, – в языке. Антропологи знают, что у некоторых древ­них племён, помимо общего для всего племени языка, существуют ещё и язык женский и язык мужской. Тайные языки. Это прекрасный образ... В некотором смысле мужчины и женщины всех народов говорят на разных языках. Но язык – это то, чему можно научиться. Наши знания друг о друге необходимо увеличивать (Л. Улицкая).

Никаких выводов и деклараций. Тихо-тихо, очень доверительно, рискуя вызвать негодование и протест, шепну в конце моего небольшого исследо­вания: любви в мире очень мало. С ней обстоит в нашем мире очень плохо, хотя с любовными романами дело как раз обстоит очень хорошо: их прекрасно раскупают. А вот любовь всё более деформируется, благодаря всё возрастающему эгоизму, возведённому в принцип, в закон, в основу суще­ствования. Любовь истощается и уплотняется, она всё более сводится к сексу, который наиболее безличен из всех видов любви. Так и хочется при­крикнуть на это всепожирающее чудовище: кыш! на место! (Л. Улицкая).

В родословных есть мысль О НЕОБХОДИМОСТИ ГОВОРЕНИЯ С РЕ­БЁНКОМ. Сам факт написания больших текстов с рассказами о событиях прошлого свидетельствует о процессах говорения. Кстати, эта мысль встре­чается и сейчас в публицистической литературе, например: «Известно: моло­дёжь – будущее мира сего, потому “Отец и мать” повествует о становлении юной, молодой личности и ориентирован, прежде всего, на неё. И перво­наперво именно с молодыми людьми в наше весьма и весьма шаткое, опасно проказливое время нужно говорить. И говорить серьёзно, без усталости, гово­рить об основополагающих понятиях и фундаментах жизни и судьбы. Они, неоперившиеся, увлекающиеся, подвержены влиянию и не всегда положи­тельному, созидательному» [3].

Не отсюда ли это знание русского языка, умение рассказывать теперь уже своим потомкам, какое встречается в родословных?

Приведём ещё одну цитату из последнего выступления Президента ГМИИ им. А. С. Пушкина Ирины Антоновой: «Но я должна сказать, что меня особенно удивляет и огорчает – что никто с молодым поколением не разгова­ривает всерьёз. Никто не говорил вообще о столетии революции, например. Мне кажется, надо было серьёзнее отнестись к этому важнейшему этапу в истории не только нашей страны, но и всего мира. А у нас из-за разнона­правленных страхов вместо осмысления получилась примитивная жвачка. Я не говорю, что надо было одним махом сабли все порешить. Отнюдь. Це­лая страна легла поперёк всего мира» [1].

Не это ли «говорение» с близкими оборачивается расширенным знанием русского языка у потомков?

Когда мне было лет десять, мы ездили вместе с бабушкой в Вязники (это между Москвой и Владимиром)... Из Коровкина в Леоново можно было попасть только через лес. Он такой большой, в нём можно заблудиться, если случайно свернёшь с тропы. Боже, а сколько в нём грибов, ягод, необыкновенной растительности: мхов, кустарников с «цыганскими серёжками»! Такого леса я потом нигде не встречала! Мы собирали пахучие белые грибы, лисички, рыжики, волнушки, белые и чёрные грузди, подосиновики (или, как бабушка их называла, «челыши»), подорешовики, сыроежки просто пинали ногами (а сыроежки там совсем не такие, как здесь, уж там сыроежки так сыроежки). На заболоченных местах собирали морошку и голубику. Я привезла оттуда целый гербарий мхов, папоротников, всевозможных цветов (А. Л.).

А бывает ли нечто такое, чего нет в исследуемом произведении и нет в родословных? Эта идея, может быть, и выражена, но не высвечена ярко, как, например, мысль о связи ЗНАНИЯ О СМЕРТИ И СЧАСТЬЯ: «Мы единственное существо, знающее о неизбежности смерти. Поэтому нельзя откладывать счастье на будущее, нужно быть счастливым сейчас», – читаем у М. П. Шишкина [10, с. 303–304].

Такая же «тайная» мысль О СИЛЕ ПРИМЕРОВ тоже созвучна внутренней сути произведения Л. Улицкой и в совокупности семейным родословным, но она не выражена ярко: «Меня всегда изумляла герменевтическая сила примера. ...Мощь примеров настолько осязаема и очевидна, что, будучи однажды удачно употреблёнными, они превращаются в некоторые машинки по автоматическому воспроизводству мысли, которую должны были иллюстрировать» (Октябрь. 2008. № 7. С. 157).

Таким образом, тема «дети и детство» открывает нам целые пласты и совпадающих точек зрения, и не совпадающих, но дополняющих друг друга, что делает необходимым полидискурсивный, расширенный, в перспективе разножанровый подбор текстов. Такое чтение дарует нам новое видение проблемы и возможность учебы не только по произведениям художественной литературы, но также по мемуарным, дневниковым, публицистическим, родословным текстам.

Список источников

1. Антонова Ирина. Последнее интервью. – URL: <https://sobesednik.ru/kultura-itv/20201207-poslednee-intervyu-iriny-anton> (дата обращения: 04.08.2023).
2. Большев А. О. Наука ненависти / А. О. Большев // Нева. – 2012. – № 4.
3. Беседа критика и прозаика Эдеарда Анашкина с писателем Александром Сергеевичем Донских. – URL: <http://lit-ra.info/intervyu/beseda-kritika-i-prozaika-eduarda-anashkina-s-avtorom-romana-otets-i-mat-aleksandrom-donskikh/> (дата обращения: 14.07.2023).
4. Иванова Н. Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности / Н. Иванова // Знамя. – 2011. – № 11. – С. 3–5.
5. Орешкин Д. Бремя пространства / Д/ Орешкин // Знамя. – 2007. – № 2. – С. 108.
6. Прилепин З. Летучие бурлаки / З. Прилепин. – Мjcrdf : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 349 с.
7. Улицкая Людмила. Священный мусор. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-nonf-biography/403785-lyudmila-ulitskaya-svyashchenny-musor-sbornik.html> (дата обращения: 15.03.2023).
8. Харченко В. К. Личный архив семейного родословия: в 30 т. / В. К. Харченко. – Белгород, 2016.
9. Цифровое государство и экономика / под общ. ред. С. Е. Прокофьевой, О. В. Паниной, К. В. Харченко. – Москва : КНОРУС, 2023. – 346 с.
10. Шишкин М. П. Письмовник / М. П. Шишкин. – Москва : АСТ: Астрель, 2011. – 412 с.
11. The Soft Skills Disconnect. – URL: <https://www.nationalsoftskills.org/the-soft-skills-disconnect/>.

References

1. Antonova Irina. *Poslednee intervyyu* = Antonova Irina. *Last interview*. Available at: <https://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20201207-poslednee-intervyyu-iriny-anton> (accessed: 04.08.2023).
2. Bolshhev A. O. Science of hatred. *Neva*. 2012;4.
3. *Beseda kritika i prozaika Edearda Anashkina s pisatelem Aleksandrom Sergeevichem Donskikh* = *Conversation between the critic and prose writer Edeard Anashkin and the writer Alexander Sergeevich Donskikh*. Available at: <http://lit-ra.info/intervyyu/beseda-kritika-i-prozaika-eduarda-anashkina-s-avtorom-romana-otets-i-mat-aleksandrom-donskikh/> (accessed: 14.07.2023).
4. Ivanova N. Ban on love. On the deficit of emotions in modern literature. *Znamya*. 2011;11:3–5.
5. Oreshkin Dmitriy. Burden of space. *Znamya*. 2007;2:108.
6. Prilepin Z. *Letuchie burlaki* = *Flying barge haulers*. Moscow: AST: Editorial office of Elena Shubina; 2015:349 p.
7. Ulickaya Lyudmila. *Svyashchennyy musor* = *Holy trash*. Available at: <https://libking.ru/books/nonf/-nonf-biography/403785-lyudmila-ulitskaya-svyashchennyy-musor-sbornik.html> (accessed: 15.03.2023).
8. Kharchenko V. K. *Lichnyy arkhiv semeynogo rodosloviya: tridtsat tomov* = *Personal archive of family genealogy: in 30 vol*. Belgorod: 2016.
9. *Tsifrovoye gosudarstvo i ekonomika* = *Digital state and economy*. Ed. by S. E. Prokofeva, O. V. Panina, K. V. Kharchenko. Moscow: KNORUS; 2023:346 p.
10. Shishkin M. P. *Pismovnik* = *Writer*. Moscow: AST: Astrel; 2011:412 p.
11. The Soft Skills Disconnect. Available at: <https://www.nationalsoftskills.org/the-soft-skills-disconnect/>.

Информация об авторе

В. К. Харченко – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

V. K. Kharchenko – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.